

И.Л.Прохоренко

Евроскептицизм по-иберийски

В статье предпринята попытка выявить специфику и общие черты проявления евроскептицизма в Испании и Португалии, начиная с момента их подключения к процессу европейской интеграции. Вплоть до недавнего времени евроскептицизм вполне справедливо считался маргинальным явлением в общественном мнении и идеологии политических партий указанных государств — членов Европейского союза (ЕС), однако в последние годы появились факторы, способствующие росту относительно новых для иберийских стран настроений скептического толка, и фактор кризисного развития — не единственный из них.

Ключевые слова: Испания, Португалия, ЕС, европейская интеграция, евроскептицизм, политическая идентичность.

Считается, что термин «евроскептицизм» появился в середине 80-х годов прошлого века в Великобритании, которая занимала и продолжает занимать особую позицию в вопросах развития и перспектив европейской интеграции. Изначально неологизм использовали для анализа позиций политических партий государств — членов Европейского экономического сообщества (ЕЭС) по отношению к европейской интеграции¹. В настоящее время данный термин применяется все более расширительно, обозначая различной степени критические настроения по отношению к Европейскому союзу (ЕС) и/или европейской интеграции со стороны политических элит и массового общественного мнения, причем иногда не только государств-членов, но и других стран. Диапазон этих настроений может быть достаточно широким: от сомнений и подозрительности, критически-недоверчивого отношения до полного неприятия и отторжения.

Несмотря на то, что эмпирический анализ общественного мнения в отношении европейского интеграционного проекта планомерно ведется с 70-х, вплоть до 90-х годов евроскептицизм не был объектом исследования специалистов: определенный поворот в этом отношении произошел в связи с разработкой, обсуждением, принятием и ратификацией Маастрихтского договора*.

Ирина Львовна Прохоренко — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН (igiparg@imemo.ru).

* Маастрихтский договор (официальное название — Договор о Европейском союзе) является одним из основных учредительных документов ЕС, был принят в феврале 1992 г. в Маастрихте (Нидерланды) и вступил в силу 1 ноября 1993 г.

Широкие дискуссии вокруг этого документа и длительный период его ратификации положили конец существовавшему до этого разрешительному консенсусу в общественном мнении европейцев, заменив его «ограничивающим несогласием»². Договор ознаменовал переход европейской интеграции в качественно иную фазу развития; обозначил шаги от рыночной интеграции к интеграции политической; внес кардинальные изменения в природу и механизм интеграционного процесса; поставил стратегической целью достижение полной экономической и валютной интеграции, прочного и постоянного межгосударственного сотрудничества в области внешней и внутренней политики; изменил формулировку целей и средств экономической интеграции³.

Тот факт, что «разрешительный консенсус» исчерпал себя, не означает, что общий уровень общественной поддержки европейской интеграции в постаастрихтский период драматически снизился по сравнению с началом 70-х годов. Данные масштабных опросов общественного мнения по самым различным вопросам деятельности ЕЭС/ЕС, которые с 1973 г. проводит и публикует в открытом доступе Европейская комиссия (исследования «Евробарометр»), свидетельствуют о том, что Договор о Евросоюзе имел скорее не качественный, а количественный эффект применительно к общественному мнению европейцев, приводя не к росту критических настроений, а к дисперсии и дифференциации мнений⁴. Во многом это связано с различным восприятием все увеличивающегося числа отдельных направлений политики европейских властей.

События последних лет свидетельствуют о том, что настроения евроскептицизма набирают силу во всех государствах — членах ЕС, и это ярко продемонстрировали результаты выборов в Европейский парламент в мае 2014 г. Понятно, что важным фактором подъема этих настроений являются последствия глобального финансово-экономического кризиса, но этот фактор не единственный. Вероятно, можно говорить о таком ключевом противоречии любого регионального интеграционного объединения, как противоречие между национальным суверенитетом и коллективными интересами. Опасения в той или иной степени расстаться с суверенитетом в процессе европейской интеграции растут по мере усиления наднационального компонента в системе политического и экономического управления Евросоюза. Недовольство рядовых европейцев (пусть порой и чрезмерно мифологизированное, а иногда и не вполне справедливое) вызывает и так называемый дефицит демократии в ЕС также в силу передачи части компетенций с национального на европейский уровень управления в результате интеграции.

ИТОГИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ ИБЕРИЙСКИХ СТРАН: ЕСТЬ ЛИ У РЯДОВЫХ ГРАЖДАН ПОВОД СОМНЕВАТЬСЯ?

Существует ли феномен евроскептицизма в Испании и Португалии? Возможен ли в принципе евроскептицизм у еврооптимистов, а если и воз-

можен, то в какой форме? Ведь иберийские страны, которые присоединились к ЕЭС в 1986 г., принято считать оптимистами и более того — евроэнтузиастами.

Вступление в ЕЭС этих периферийных государств с невысоким уровнем социально-экономического развития было обусловлено, в первую очередь, политическими причинами. Новые члены вполне обоснованно надеялись на финансовую помощь этой структуры, широкое привлечение иностранного капитала и быстрый социально-экономический эффект от вхождения в европейское транснациональное пространство.

Несомненные успехи Испании в плане основных макроэкономических показателей во второй половине 1990-х — первой половине 2000-х годов позволили говорить о том, что страна сумела преодолеть известную периферийность как в экономическом, так и в политическом плане. На международной арене Испания заявила о своих амбициях региональной державы с глобальными интересами. Позитивные перемены произошли и на микроуровне: повысились уровень и качество жизни, улучшились бытовые условия испанцев. Во многом трансформировались роль и статус женщины в обществе, новые поколения стали по-иному смотреть на мир, широко распространились ценности западного общества потребления, ушли в прошлое многие нормы католической этики.

Однако приоритет был отдан догоняющему развитию с упором на количественные показатели. Многие структурные и институциональные реформы оказались незавершенными, а некоторые были отложены, в том числе и чтобы избежать противостояния центра и региональных элит в процессе децентрализации государства и управления.

Глобальный финансово-экономический кризис и кризис в зоне евро стремительно и убедительно вскрыли структурные слабости и уязвимые места в модели развития Испании. Это, прежде всего, — качество роста, неполное соответствие стратегических планов и задач экономическим ресурсам и потенциалу страны при выборе повестки дня, эффективность экономического управления и политических институтов. Необходимо упомянуть и гипертрофированное развитие строительной отрасли, которая стала мотором национальной экономики и куда устремились неквалифицированные трудовые мигранты иностранного происхождения, а также бум на рынке недвижимости, сопровождавшийся невиданным скачком цен. Усилия по проведению социальной модернизации (особенно в период пребывания у власти социалистов в 2004—2011 гг.) с ориентацией на германскую модель социального государства основывались на нереалистичных оценках и сценариях. Все это может объяснить причины того, почему для четвертой экономики зоны евро и пятой экономики Евросоюза 20 лет экономического роста сменилось падением ВВП, бюджетным дефицитом, значительным госдолгом, драматической ситуацией на рынке труда.

Ситуация в португальской экономике, в отличие от соседней Испании, после вступления в ЕЭС складывалась непросто. Казалось бы, единая Европа открыла перед Португалией новые возможности: беднейшая страна

Западной Европы приступила к проекту экономической, политической и социальной модернизации. Определенное значение имела и финансовая помощь из европейских бюджетных фондов в рамках региональной политики Сообщества/Союза, общей аграрной политики и политики в отношении организации рыболовства. Страна продемонстрировала соответствие маастрихтским критериям и вступила в зону евро.

В итоге к началу XXI столетия Португалия, как представлялось многим, смогла, наконец, добиться экономического роста, действительно улучшить условия и качество жизни своих граждан. Однако примерно с того же времени в национальной экономике начинают наблюдаться застойные явления, что дало повод экспертам говорить о стагнации. Темпы роста ВВП Португалии в 2003—2007 гг. составляли около 1%, в то время как аналогичный показатель в 1961—1990 гг. равнялся в среднем 4,8%, в 1991—1995 гг. — 1,7%, а в 1996—2000 гг. — 4,0%⁵ (в соседней Испании в 2003—2007 гг. динамика среднегодового прироста ВВП составила 3,1%). Естественным последствием этого стало снижение душевого ВВП по сравнению с усредненным показателем по Евросоюзу.

Если в год присоединения к ЕЭС душевой ВВП Португалии равнялся 54% от среднего по 12 странам ЕС, а в 2001 г. достиг уже 75% от среднего по ЕС-15, то в 2008 г. размер португальского ВВП на душу населения примерно остался на том же уровне, однако теперь уже от среднего по ЕС-27, куда вошли новые государства-члены — отнюдь не передовые в социально-экономическом отношении страны Центральной и Восточной Европы⁶.

Одновременно Португалия оказывается все более зависимой от внешних заимствований. Если в 1995 г. государственный внешний долг страны составлял около 10,5% ВВП, то к 2010 г. он достиг 94% ВВП, в 2011 г. превысил 108%, а в 2012 г. уже приближался к 124%⁷. Сокращалось валовое сбережение, наблюдалось снижение производительности труда, несмотря на увеличение стоимости рабочей силы, рос уровень безработицы, не удавалось снизить дефицит государственного бюджета до нормативов, установленных европейскими властями.

Общие для экономик всех стран Южной Европы негативные факторы — жесткая конкуренция со стороны таких новых глобальных игроков, как Китай и Индия, и расширение Евросоюза на Восток — дополнялись в случае Португалии и Испании отсутствием, вплоть до самого последнего времени, структурных реформ. Эти реформы позволили бы сократить неэффективно управляемый государственный сектор, внести изменения в модель социального государства, сделать более гибким рынок занятости, наладить функционирование финансовой системы страны, обеспечить более благоприятные условия ведения бизнеса, создать эффективную и отвечающую современным требованиям систему образования.

Фактически власти поставили эти назревшие реформы на повестку дня лишь в последние годы на фоне кризисного развития, и их социальная цена в условиях политики жесткой экономии оказалась чрезвычайно велика. Кризис социального государства, большое количество людей, живущих за

чертой бедности, новое для иберийских стран явление эмиграции, прежде всего образованной молодежи, — все это меняет жизнь и настроения рядовых граждан. Не добавляет оптимизма и тот факт, что для преодоления макроэкономических дисбалансов Португалия была вынуждена обратиться за финансовой помощью к Евросоюзу и международным кредиторам. Испании также понадобилась поддержка европейского стабилизационного механизма для решения проблем финансового сектора.

Согласно опросу общественного мнения «Евробарометр», проведенного в ноябре 2012 г. во всех государствах — членах ЕС, 59% всех жителей Португалии ощущают себя европейскими гражданами, что ниже среднего показателя по ЕС-27 — 63% (для сравнения: 73% испанцев чувствуют себя таковыми, в Греции этот показатель равняется всего 46%)⁹. Самый высокий показатель оказался у тех опрошенных, которые причислили себя к управленческим кадрам.

Глобальный финансово-экономический кризис, политика жесткой бюджетной экономии в стремлении добиться установленных Евросоюзом макроэкономических показателей под строгим мониторингом Европейской комиссии, высокие риски обнищания населения в условиях сложной ситуации на рынке труда, безусловно, сыграли свою роль в падении доверия рядовых граждан Испании и Португалии не только к национальным политическим институтам, но и к европейским властям.

По сравнению с докризисным периодом — весной 2007 г.¹⁰, осенью 2012 г. — уровень недоверия к институтам ЕС вырос в Испании с 23 до 72%, а в Португалии европейским институтам доверяли лишь 24% опрошенных (в 2007 г. — 50%). При этом 58% португальцев и 50% испанцев, принявших участие в социологическом исследовании, уверяли, что понимают, каким образом функционирует Европейский союз. Все меньше иберийцев считают его демократическим, а также эффективным и способным защитить своих граждан, зато все больше замечают технократические тенденции в его облике, оценивая имидж ЕС все негативнее с каждым годом. К тому же португальцы оказались в числе тех, кто в большинстве своем пессимистично смотрит на будущее европейского интеграционного проекта (64% опрошенных). Аналогичный показатель у их соседей — испанцев — 45% осенью 2012 г. и 54% весной того же года.

Вероятно, уход с поста председателя Еврокомиссии португальца Жоана Мануэла Баррозу в октябре 2014 г. после выборов в Европарламент также может оказаться дополнительным фактором снижения доверия граждан Португалии к европейским институтам.

Согласно результатам проекта «Исследование европейских ценностей» («The European Values Study»), организованного в том числе при поддержке Европейской комиссии, рядовые португальцы и испанцы в 2008 г. всего лишь в 3 балла по 100-балльной шкале оценивали то, что они в первую очередь ощущают себя европейцами (в Греции, Великобритании этот показатель также равняется 3 баллам, в Италии — 5, во Франции и Бельгии — 7, в Нидерландах и Германии — 6, в Люксембурге — 21 баллу). Надо отме-

тить, что по сравнению с аналогичными исследованиями 1991 и 1999 гг. в рамках указанного проекта эти данные в отношении Испании и Португалии принципиально не поменялись¹¹.

Одновременно свою приверженность национальной идентичности португальцы оценили в 38 баллов, в Испании аналогичный показатель был ниже — 28 баллов (для сравнения: в 1999 г. эти цифры равнялись, соответственно, 44 и 30, а в 1991 г. — 30 и 33).

Граждане иберийских стран опасались, что экспансия ЕС продолжится и приведет к потере силы государства на международной арене (эту угрозу португальцы оценили для себя в 59 баллов, испанцы — в 56). Их волновала возможная потеря национальной идентичности и самобытной культуры (эта угроза оценена ими в 55 и 57 баллов, соответственно). Интересно, что население Португалии, Великобритании и Германии примерно одинаково подсчитало в баллах угрозу потери рабочих мест (75—78 баллов), но их страхи имели иное объяснение, испанцы же оценили аналогичные опасения в 58 баллов. Жителей Пиренейского полуострова беспокоило усиление финансового бремени для национальной экономики (суммарный ответ португальцев был оценен в 68 баллов, схожие цифры выявились в результате опросов в Великобритании и Германии, для Испании этот показатель равнялся 56). Озабоченность в связи с утратой социальной защищенности португальцы определили в 68 баллов. Примерно так же высказывались граждане стран — локомотивов европейской интеграции, однако их беспокоили статус крупнейших доноров бюджетных фондов ЕС и сам размер взносов в общеевропейский бюджет и стабилизационный механизм. Для Испании итоговый результат ответа на этот вопрос составил 57 баллов¹².

ЕВРОСКЕПТИЦИЗМ В НАСТРОЕНИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Что касается евроскептических настроений внутри политических элит двух стран, то исследователи сходятся во мнении¹³, что ведущие политические партии Португалии — центристские Социалистическая партия (Partido Socialista, PS) и Социал-демократическая партия (Partido Social Democrata, PSD) — являются, вне всякого сомнения, проевропейскими, хотя и не выражают своих взглядов открыто и решительно. То же можно сказать и о главных политических силах Испании. Хотя, вероятно, левоцентристская Испанская социалистическая рабочая партия (Partido Socialista Obrero Español, PSOE) и правоцентристская Народная партия (Partido Popular, PP) более активно и явно поддерживают проводимые в настоящее время реформы в Евросоюзе, энергично стремясь добиться большего влияния и авторитета своей страны.

Если сравнивать Португалию с ее соседями по Южной Европе, в том числе с Испанией, то эта иберийская страна до сих пор остается наименее децентрализованной. Несмотря на начавшиеся в процессы регионализации, она по-прежнему является во многом классическим унитарным государст-

вом в традиционном понимании. Политические партии автономистского (регионалистского) толка, которые в Южной (и не только в Южной) Европе являются последовательными проводниками идей евроскептицизма, поскольку не совсем довольны положением, отведенным субнациональным регионам в системе многоуровневого управления ЕС, на партийно-политическом ландшафте Португалии отсутствуют как таковые.

Напротив, в Испании именно автономистские партии, прежде всего Каталонии и Страны басков, в той или иной степени, сдержанно и иногда не вполне явно, все же разделяют идеи евроскептицизма. Об этом свидетельствуют, скорее, не электоральные манифесты на всеобщих или региональных парламентских выборах, а результаты голосования в регионах на выборах в Европарламент и на референдуме по вопросу европейской конституции в феврале 2005 г. Фактически открыто о своем скепсисе в отношении ЕС в более жесткой форме заявляет лишь одна региональная партия левого толка в Каталонии, выступающая за независимость региона и объединение всех каталонских земель в единое государство. Это сравнительно новая политическая партия Кандидатура народного единства (*Candidatura d'Unitat Popular, CUP*). По результатам последних по времени выборов в автономный парламент Каталонии в ноябре 2012 г. CUP получила три из 135 депутатских мест.

Во многом скептицизм испанских автономистских партий связан с тем, что историческая идея «Европы регионов» постепенно отошла на второй план, и это усиливает негативную реакцию на нивелирующие тенденции, неприятие тех или иных мероприятий ЕС в сфере региональной политики и политики сплочения Евросоюза, боязнь на эмоциональном, психологическом уровне потерять свою самобытность. Новая волна настроений евроскептицизма и даже европессимизма объясняется твердой позицией европейских властей в защиту принципа территориальной целостности и их решительным отказом поддержать проекты каталонских и баскских сепаратистов по отделению от Испании и созданию новых независимых государств в составе ЕС.

В том или ином виде скептические настроения характерны для политических партий, более удаленных от идеологического центра (и это общая тенденция для всех государств — членов Евросоюза). Среди представленных в национальном парламенте Португалии партий на левом партийно-идеологическом фланге это — Коммунистическая партия (*Partido Comunista Português, PCP*) и избирательная коалиция Левый блок (*Bloco de Esquerda, BE*), а на правом фланге — Социал-демократический центр — Народная партия (*Centro Democrático Social — Partido Popular, CDS-PP*). Вероятно, к евроскептикам можно отнести и избирательный блок Испании Объединенные левые (*Izquierda Unida, IU*), который располагает местами в Генеральных кортесах.

Но евроскептицизм этой части испанских и португальских политических элит ни в коем случае не является антиевропеизмом, он так же, как и аналогичные взгляды большинства политических партий периферийных

националистов, носит довольно умеренный, мягкий характер. Такая разнообразность скептицизма представляет собой, скорее, недовольство «безальтернативной» интеграционной альтернативой для Европы, отдельными аспектами и направлениями деятельности Евросоюза, экономическими последствиями расширения ЕС и углубления региональной интеграции. Понятно, что для португальского левого блока неприемлемыми являются нынешние тенденции развития европейского социального государства, перемены в социальной политике, проблема демократической легитимности Евросоюза. Со своей стороны CDS-PP провозглашает себя противником принципов федерализма в Европейском союзе.

Впрочем, необходимо понимать, что немалую роль здесь играют и электоральные интересы указанных политических партий, которые фактически находятся на периферии партийно-политической борьбы, и, в первую очередь, их желание преодолеть собственную политическую маргинальность, используя идеи и лозунги евроскептицизма. Одновременно нельзя упускать из виду то обстоятельство, что главными оппонентами евроскептиков в Испании и Португалии выступают ведущие политические партии, сменяющие друг друга у власти в рамках системы, по своему типу близкой к двухпартийной. А это значит, что правительственные элиты вынуждены более решительно реагировать на критику скептиков, защищать и отстаивать свои проевропейские позиции и взгляды, последовательно разъясняя рядовым избирателям эту свою точку зрения.

Вероятно, новым ценностным ориентирам сегодняшних испанцев и португальцев в единой Европе мешают не только привычные представления о национальной и локальной идентичности как скрепах национально-государственного сообщества, но и довольно ярко выраженная постимперская идентичность политических элит и рядовых граждан иберийских стран, что наиболее заметно на примере Португалии.

Что такое Португалия сегодня? Это — малое государство окраины Европы с небольшим по численности населением, ограниченными природными ресурсами, слабым экономическим и военным потенциалом. Однако прежняя историческая роль страны как мировой колониальной империи не может не оказывать влияния как на внешнеполитические воззрения и амбиции португальских элит, так и на массовые общественные настроения.

Демократической Португалии во многом удалось наладить сотрудничество с прежними колониями в самых различных областях, в том числе по линии оказания международной помощи на цели развития. К концу 90-х годов бывшая метрополия продемонстрировала быструю позитивную динамику оборота внешней торговли с третьими странами (за пределами ЕС) и особенно с партнерами в Африке¹⁴, а также направила значительный, по сравнению со многими государствами — членами Евросоюза, поток прямых инвестиций за рубеж. К примеру, в 2000-е годы Португалия (одно из беднейших государств ЕС) лидировала по объему прямых иностранных инвестиций в Бразилию, обгоняя не только страны ЕС, но в разные годы даже США¹⁵.

Политика постимперской идентичности португальских элит широко поддерживается общественным мнением страны. Социологические опросы, проводимые в разное время в государствах — членах Евросоюза, свидетельствуют о том, что португальцы наиболее активно выступали за предоставление помощи развивающимся странам (хотя здесь на протяжении 1990—2000-х гг. и наблюдалась тенденция к некоторому снижению). В сущности, только нынешние социально-экономические трудности на фоне глобального финансово-экономического кризиса смогли оказать негативное влияние на выбор рядовых португальцев в этом отношении¹⁶.

Показательно, что для респондентов большинства стран ЕС торговые и финансовые интересы выходят на первое место в контексте помощи на цели развития. Для португальцев, напротив, приоритетом являются задачи миротворчества. Граждане Португалии также оказались среди тех, для кого значение Африки как стратегического партнера Евросоюза еще более возрастает в период до 2020 г. (их позицию разделяют жители Швеции, Австрии, Люксембурга, Германии и Словении)¹⁷.

В последние годы в условиях кризисного развития от ведущих правительственных партий Испании и Португалии потребовались огромные усилия в сфере макроэкономической стабилизации на фоне социального пессимизма и разочарований общества в перспективах ЕС.

Как показывают многочисленные опросы общественного мнения, в этих жестких условиях у большинства граждан иберийских стран и Европейского союза в целом отсутствует позитивный настрой в отношении политики европейских властей, а антикризисные меры на национальном уровне и на уровне ЕС фактически подорвали доверие рядовых европейцев к региональному интеграционному проекту в целом.

На национальном уровне, безусловно, важны желание и решимость правящих элит Испании и Португалии сделать более эффективной модель государственного регулирования, осознание руководством стран необходимости скорректировать или глубоко реформировать работу институтов управления. Но большое значение также имеют понимание и поддержка со стороны общества в вопросе проведения назревших реформ, социальные издержки которых весьма велика. Эту общественную поддержку также надо формировать, она не возникает сама собой, особенно в условиях кризиса.

В свою очередь, кризис в зоне евро сделал понятным тот факт, что проблема результативного решения задач в сфере экономического управления на европейском уровне во многом зависит от национального контроля. И в этом смысле особое значение приобретают договорная способность национальных элит, от которой зависят легитимность и эффективность решений европейских властей, качество взаимодействия национального правительства с институтами и органами ЕС.

С одной стороны, правящие элиты Испании и Португалии прекрасно осознают все значение своего членства в европейском региональном объединении — своего рода привилегированном клубе развитых экономик мира. С другой стороны, они поставлены в весьма жесткие условия и, порой, демонстрировали неспособность справиться с кризисом без помощи ЕС и международных финансовых институтов. Практически сложилась ситуация, когда политическая система двух стран основывается не на консенсусе, а на разногласиях и конфликтах, и является в итоге крайне неустойчивой. Не способствует ее стабильности и факт весьма существенного повышения роли отдельных участников политического процесса в проблемных странах зоны евро (Европейского центрального банка, например, или Европейской комиссии).

Проблема исполнения рекомендаций и условий, которые ставят европейские власти странам — получателям помощи, очень сложна. Не правы те, кто относится к этому без должной серьезности, утверждая, что в периферийных государствах все останется по-прежнему, и никакие перемены невозможны в принципе, потому что таковы особенности политической культуры в этих государствах, а долги рано или поздно спишут. Безусловно, факторами, тормозящими реформы экономического управления в проблемных странах Южной Европы, по-прежнему остаются распространенность отношений по типу «клиент — патрон», коррупция и пр. Вероятно, специфические условия ставят иберийские страны перед выбором: перемены в политическом устройстве и реформы экономического управления, пусть и в несколько «технократическом» духе, или возврат к периферийности с рисками неуправляемости.

Перспективы роста и углубления настроений евроскептицизма во многом будут зависеть от того, дадут ли меры жесткой экономии в Испании и Португалии ожидаемый результат.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ R. H a r m s e n, M. S p i e r i n g. Introduction: Euroscepticism and the Evolution of European Political Debate. — Euroscepticism: Party Politics, National Identity and European Integration. Amsterdam, 2004, p. 13—35.

² M. G a b e l, C. A n d e r s o n. The Structure of Citizen Attitudes and the European Political Space. — European Integration and Political Conflict. Cambridge, 2004, p. 13—31; L. H o o g h e, G. M a r k s. A Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus. — British Journal of Political Science, 2009, vol. 39, № 1, p. 1—23.

³ В. Г. Ш е м я т е н к о в. Европейская интеграция. М., 2003, с. 40—42.

⁴ I. D o w n, C. W i l s o n. From «Permissive Consensus» to «Constraining Dissensus»: A Polarizing Union? — Acta Politica, 2008, vol. 43, № 1, p. 26—49.

⁵ См. материалы экономических обзоров Европейской комиссии за 2005 и 2012 гг: European Economy. N 5/2005. European Commission. Directorate-General for Economic and Financial Affairs. Economic forecasts Autumn 2005. P. 121; European Economy. No 8/2012. European Economic Forecast. Autumn 2012. Commission staff working document. P. 148.

⁶ См., например: S. R o y o. The Challenges of EU Integration: Iberian Lessons for Eastern Europe. — Towards the Completion of Europe: Analysis and Perspectives of the New European Union Enlargement. Miami, 2006, p. 109.

⁷ Материалы Евростата. — <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&code=tsdde410>

⁸ См.: Н.М.Яковлева, П.П.Яковлев. Португалия: кризис на европейской периферии. М., 2011, с. 23—37, 52—70; И.Л.Прохоренко. Кризис в еврозоне как вызов испанской модели развития. — Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика, 2013, № 3, с. 69—99.

⁹ См.: Standard Eurobarometer 78. Autumn 2012. Public Opinion in the European Union. Report. Fieldwork: November 2012. — http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb78/eb78_publ_en.pdf

¹⁰ Eurobarometer 67. Public Opinion in the European Union. Fieldwork: April - May 2007 — http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb67/eb67_en.pdf.

¹¹ Atlas of European values. — <http://www.atlasofeuropeanvalues.eu/new/europa.php?ids=2534&year=2008>

¹² См. результаты социологического исследования за несколько лет на официальном сайте проекта «The European Values Study». — <http://www.atlasofeuropeanvalues.eu/new/zieeuropa.php?year=2008>

¹³ См., например: Euscepticism in Southern Europe: a diachronic perspective. Abingdon, 2012.

¹⁴ См., например: External and intra-European trade. Statistical yearbook, Data 1958—2007. Luxembourg, 2009, p. 274; Aid for trade at a glance 2011: Showing results. Paris, 2011, p. 364—367.

¹⁵ Статистические данные Евростата, 10.06.2013 г.: — <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&pcode=tec00051>

¹⁶ См., например, материалы исследования «Евробарометр» за разные годы: Special Eurobarometer 375. Making a difference in the world: Europeans and the future of development aid report. Fieldwork: September 2011. Publication: November 2011. — http://ec.europa.eu/publicopinion/archives/ebs/ebs_375_en.pdf; Special Eurobarometer 392. Solidarity that spans the globe: Europeans and development aid report. Fieldwork: June 2012. Publication: October 2012. — http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_392_en.pdf

¹⁷ Special Eurobarometer 353. The EU and Africa: Working towards closer partnership report. Fieldwork: June 2010. Publication: November 2010. — http://ec.europa.eu/publicopinion/archives/ebs/ebs_353_fr.pdf